

ИСКУССТВО

НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ИЗ ЖИЗНИ СЕРГЕЯ АПОЛЛИНАРИЕВИЧА ГЕРАСИМОВА

В ПОЛУМРАКЕ студийного коридора плывет Тамара Федоровна, шлепая длинным шелковым платьем. Опасливо подобрала подол, боится замазать. Стены липкие, пачкают: на студии очередной ремонт, благо малярный цех — свой. Рядом браво вышагивает «Лев Николаевич» — в сапогах и холщовой рубашке, подпоясанный, в руках — ультрасовременная яркая сумка с бутербродами и термосом. Отправились на работу.

Неожиданно настигла их крошечная девушка с магнитофоном, едва слышно пропичала:

— Сергей Аполлинариевич, вы не могли бы после... для «Известий»...

— Для «Известий»? Лучше сейчас, а то потом будет...

— И знаете, что... Меня еще просили для редакции вещания на Францию.

— И еще немножко пострелять, да? — подшучивает Сергей Аполлинариевич...

— Пускай! Пусть встал и... пошел к руке матери. Тоже хорошо. Татьяне — не целует, только похлопал по руке. А матери — потом поцеловал, склонился. Он мать очень любил и очень, так сказать, заигрывал с ней всегда, потому что денежки просил сплошь и рядом.

— Сергей Аполлинариевич, извините меня, пожалуйста... Татьяне обязательно надо шаль?

— Да-да, что-то накинуть на плечи. Нам здесь надо сыграть дождь, вообще холод. Еще этот мокрый мужик сидит... А что, нет ничего подходящего?

— Есть. Просто я...

— Ну, дай набросить какой-нибудь плавок. Кашемировая светлая шаль была бы очень хороша! Это было принято тогда... И вечная была вещь, весь девятнадцатый век.

— Сергей Аполлинариевич, а самовар на место нести?

живать головы в рабочем состоянии.

— Ну, так... Самовар... Дожди! Вот сейчас кипит прекрасно! Все в кадре? Так, внимание, к съемке, товарищи, прошу!

— Дожди! Мотор!

Сергей Аполлинариевич едва успеваел прокричать команду:

— Кадр 518 — первый!

Об актерах Сергей Аполлинариевич может говорить без усталости:

— Конечно, большинство актеров на экране — это режиссер в актере. Режиссер загримированный актером. Вот и все. Никаких чудес здесь не бывает, и подтверждения тому есть: видишь хорошего актера, с именем, в бездарном, так сказать, исполнении и думаешь: что же случилось, как он мог так говорить и делать, боже! Деньги нужны, жить надо — семья!.. Понимаешь, режиссер должен быть в какой-то степени экстрасенсом, то есть угадывать

чем кокетство, но не совсем, есть зерно, да, какая-то часть истины. Он говорил: «Что такое режиссер? Человек, еще не успевший доказать противное».

Ну из чего складывается, если на то пошло, профессия? Прежде всего она насквозь дилетантская, потому что как только она, упаси боже, становится профессиональной, тогда как раз и начинается плохая режиссура: когда все известно, как делать... Начинается то копеечное ремесло, которым забит мировой репертуар. То, что унижает саму профессию... Режиссер должен быть дилетантом в том смысле, что должен знать все — музыку, литературу, живопись, театр, архитектуру...

— Но есть же люди, для которых режиссура — это особая форма мышления...

— Была знаменитая реплика, брошенная одному из очень видных режиссеров. Он как-то на одной дискуссии сказал, что режиссер должен мыслить образами. Голос из первого ряда: «А я думал — головой!»

— Ну, это игра слов.

— Нет, не игра. Это очень серьезный спор, потому что как раз режиссер, мыслящий образами... В общем-то, всякий художник мыслит образами...

— Я имею в виду — кинематографическими.

— Ну да, монтажными образами или, скажем, посредством кадров.

— Все-таки это особый дар?

— Не думаю. Это, может, уже и образует где-то там, в районе ремесла — известно, как надо делать, чтобы получить что-то. Что получится — разговор другого порядка, тут выступают такие тонкие элементы, как вкус... Хотя нет, и вкус шлифуется.

— Но вкус может быть у любого человека, интеллигентного, эрудированного...

Нет, не может он так всеерьез думать. Или это выражение беспомощности перед существующим положением вещей? Невозможность оградить режиссуру от вторжения всех, кому просто хочется? Почему-то не разбираться в живописи, быть глухим к музыке — с этим человеком мирится, допускает такой возможный изъян, но чего-то не понимать на экране, не дорасти до этого произведения искусства — не приемлет.

— И все-таки не могу с вами согласиться, что каждый писатель может стать режиссером.

— Нет, не хочу так обострять. Просто я думаю, что член Союза писателей — еще не характеристика. Писатель — человек, который уже заявил свое отношение к миру и свою, ну, что ли, меру влияния на него. Для меня писатель — тот, кто хоть малость умеет сказать, задев людей за живое.

— Но он же задевает словом!

— Да, словом... Но если он способен, как выражался Толстой, заразить своими мыслями других людей, то он, вероятно, сможет сделать это по-своему и в режиссуре. Осечки, конечно, неизбежны...

И режиссер — это в первую очередь концепция. Да-да. Убеждения, нравственные критерии, имеющие отношение не только к кинематографу.

— Кстати, Сергей Аполлинариевич, если вы имеете в виду критерии самого автора, то они на экране бывают одни, а в жизни порой другие.

— То есть не порой, а всегда! — Сергей Аполлинариевич просто прокричал это.

— Почему же? Бывали, наверное, случаи в практике мировой культуры, когда они совпадали.

— Да с того же Толстого начнем, господи боже мой! В том-то и дело, что вся концепция Толстого — борьба с самим собой. Вот же в чем дело! Никак люди не могут... Все идет от полемики с самим собой, с этим царством божьим, которое внутри сидит и дает о себе знать то так, то этак. Возьмите любого! Всякий настоящий талант неизбежно полемичен, прежде всего по отношению к себе. Он — сосуд страстей, они переливаются через край, через барьер общественной морали. Надо выбирать, приводить в соответствие... Начинаются компромиссы — вот и убытки пошли... Ну что, будем смотреть сцену?

21 мая 1986 года Сергею Аполлинариевичу Герасимову должно было исполниться 80 лет. Замечательный советский режиссер не дождался этого юбилея. Но его идеи, творческая энергия продолжают жить в его учениках. Навсегда остались с нами его фильмы. 2 марта демонстрацией неуязвимо молодой, романтической ленты «Семеро смелых» Центральное телевидение начало показ картин, созданных Сергеем Аполлинариевичем, и с того дня мы наждае воскресенья спешим на встречу с Герасимовым. Интерес к его творчеству, к его личности по-прежнему очень велики, и, наверное, будет возрастать. Вот почему сегодня, в день юбилея, мы хотим провести несколько часов с Сергеем Аполлинариевичем Герасимовым и предлагаем вашему вниманию отрывки из книги Майи Меркель «История одной роли», которая готовится к публикации в издательстве «Искусство». Автор провела несколько месяцев на съемках последней герасимовской картины «Лев Толстой».

Кадр 260 — первый

— Майя МЕРКЕЛЬ —

В павильоне полно людей — своих, «толстовских», и разного киношного люда. Операторы ставят свет. Вот уж засветлела за окнами Ясная Поляна. Громоздятся стремянки. Подвешивают зеркала. Моют окна. Слоняется режиссер Чибисов с букетом тростей в руке — на выбор молодому графу Андрею Львовичу.

Лев Николаевич прирос к камере, никак не припрорвется к лупе — мешает борода. Суетится режиссер, сегодня она вся в заботах о самоваре: внести — вынести. За декорацией обливают водой окна — пробуют дождевую установку.

Звук отлично работает — настоящий дождевой! — просто вызвал Сергей Аполлинариевич. Такой «жизненный» камертон неизменно приводит его в восторг, необходим ему для работы, как воздух.

Потемнело за окнами, и в комнате стало теплее, уютнее. Толстые расположились за огромным овальным столом, покрытым белоснежной скатертью. У самовара — Софья Андреевна. Второй режиссер опять поймал какую-то алогичность — то ли в тексте, то ли в поведении.

— Пусть не логично, зато симпатично. В этом есть естественная алогичность поведения. — парирует Тамара Федоровна.

— Давайте разберемся со словами! — призывает Сергей Аполлинариевич — «Да куда же вы такой пойдете? Обсохните!»

— «Поглядел на вас, и на душе посветлело». — включился в текст «темный», молодой человек с испуганным взглядом, гость Толстого.

Как-то на приемных экзаменах во ВГИК поразил Сергея Аполлинариевича один из абитуриентов своим неистовым взглядом. Студентом парнишка, улы, не стал, а вот глаза его Герасимов запомнил, где-то они в памяти отпечатались. Пришло время, и было велено: найти, разыскать, вызвать! Приехал из Минска парнишка сыграть «темного».

— Он талант! Талант! Верит в себя и даже говорит о себе в третьем лице. Меченый парень! Руками все сам делает... строит там, улучшает свое жилье. Все — сам Настоящий толстовец! — шепчет мне доверительно Сергей Аполлинариевич.

«Андрей, ты, кажется, собираешься в Тулу? — опять вернулся к сцене. — Вот довезешь в своей карете...» Теперь, значит, так: надо фразу чуть-чуть разорвать, заделать.

— Сергей Аполлинариевич, почему вы не хотите, чтобы Андрей встал? Может, встать?

— Если кипит, то... Хотя пусть там и поддерживается... в кипящем...

Отчаянный стук молотка накрыл конец фразы, теперь разговаривают под этот аккомпанемент.

— Зеркало не уроните, ради господ бога!.. Ну-ка, накинь! Вид хорош! А эта совсем хороша!

— Сергей Аполлинариевич, а Сухотина мы куда поставим?

— Он может сидеть рядом с Андреем — будет совершенно естественно.

Неожиданно, как всегда, зашел. Пытается забраться голосом куда-то очень высоко — верный признак того, что доволен.

— Братцы, как вы? Готовы?

— Фон заканчивают.

Ассистент Женя сидит на стульчике, расставив ноги по педалям от рояля. Самого инструмента нет. Все тот же препарированный, разъятый на детали мир. Где — педали, где — рояль!.. Наконец-то полил дождь.

— Не было дождя в этом окне! — корректирует оператор.

Примеры не спускают настроенных глаз — каждый со своего «объекта». У Бориса, гримера Толстого, это просто маниакальное состояние: непрерывно чешет, причешивает, приглаживает великую бороду. Валя в ответе за пышную прическу Софьи Андреевны: говорят, сооружают ее несколько часов... За окнами — ливень.

— Дождик пока выключим. Художники!

— Братцы, не волнуйте, пока самовар хорош!

— Подождите, Сергей Аполлинариевич! Надо окна вытереть, а то натечет в комнату.

Пока суд да дело, Сергей Аполлинариевич плотно придвинулся к исходящему режиссеру, вдохновенно грызет сухарики.

— Дожди! Пошел! — командует «второй», но система не срабатывает: гостиную заливают, а за окнами — без осадков.

— Бестолково делаете! Не надо такой поток устраивать! Ну вот, пока вы со светом и дождем возитесь, опять надо все сызнова... — Сергей Аполлинариевич уже раздражен. Но при этом сухарик за сухариком макает в чашку, с видимым удовольствием чаевничает.

— Самовар кончился! — кричит второй режиссер. Голос у него зычный. Не спеша, вразвалочку подошли два здоровенных мужика — самовар опять унесли. Борис тут же кинулся на бороду, Валя — на многоэтажную прическу. Надо поддер-

живать мир актера... Он и лстец, и учитель, и строгий родитель. В нем много наемшано всякой всячины, в режиссере, в профессии этой. Очень интересная профессия оператора, но там совсем другая логика: при режиссере, так сказать, при клятке — холодильник. Вносит элемент здравого смысла, ну, и... технического резерва — чего можно, а чего нельзя.

— Сергей Аполлинариевич, вы, кстати, «Дети солнца» посмотрели? Потрясающий Смоктуновский!

— Ну, Смоктуновский! Это у нас тот самый актер... Я считаю, эталонный актер. То есть он никогда не стремится к тому, чтобы сохранить себя в образе. Ему... его амбиции куда важнее. Ему интересно так раствориться в образе, чтобы было чудо превращения. Вот такой должен быть актер — чудо превращения.

— Там прекрасно играет и Симонова.

— Ну, она грандиозная актриса, прекраснейшая. Поразила меня в некоторых совершенно разных вещах. Что ни возьмется играть... Она — как белочка: потихоньку все раскусит, раскусит, все ядрышки найдет и, глядишь, уже сыплет бриллиантами. Дивное создание! Так что у нас сейчас, между прочим, никакой бедности в актерском хозяйстве. Очень много людей... А Янковский? Блестящий актер. Блестящий! Нашел свою линию, есть у него своя манера, она дорогого стоит — способность быть рассеянным, не сосредоточенным, да-да... Он этот разговор понял и отлично отыгрывает. На свободном дыхании, неторопливо, не спешит проговаривать свои реплики, чтобы угадать в срок, а тогда, когда ему надо. Командир своего поведения, то, что я ценю больше всего в актере...

— Знаете, Сергей Аполлинариевич, я все еще под впечатлением того, что вы мне вчера сказали: все писатели могут быть режиссерами.

— Нет, не так категорически. Поставим вопрос несколько иначе: не все режиссеры могут быть режиссерами именно по той причине, что им не хватает иногда средней писательской интеллигентности. Средней... Писатели — тоже народ пестрый, их там что-то за десять тысяч перевалило... Стало быть, надо говорить избирательно. Видишь ли, я никогда не обольщался по поводу собственной профессии, памятуя знаменитый козинцевский парадокс. Он сказал еще в молодые годы весьма ехидную вещь. Казалось бы, все это не более

— Знаете, Сергей Аполлинариевич, я все еще под впечатлением того, что вы мне вчера сказали: все писатели могут быть режиссерами.

— Нет, не так категорически. Поставим вопрос несколько иначе: не все режиссеры могут быть режиссерами именно по той причине, что им не хватает иногда средней писательской интеллигентности. Средней... Писатели — тоже народ пестрый, их там что-то за десять тысяч перевалило... Стало быть, надо говорить избирательно. Видишь ли, я никогда не обольщался по поводу собственной профессии, памятуя знаменитый козинцевский парадокс. Он сказал еще в молодые годы весьма ехидную вещь. Казалось бы, все это не более